

ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРСЫ И ГРАНИ

УДК 378: 146: 338.012
DOI 10.20339/AM.06-19.010

Л.Г. Тюрина,
д-р филол. наук, проф., главный редактор журнала,
Г.К. Овчинников,
д-р филос. наук, проф.,
заместитель главного редактора журнала,
научный журнал «Alma mater (Вестник высшей школы)»
e-mail: almavest@yandex.ru

ТОВАРНЫЙ ДИСКУРС В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Анализируется ситуация, сложившаяся в современной системе высшего образования России в результате проведенных реформ в последние десятилетия. Рассматриваются такие новые процессы, как коммодификация и макдональдизация, которые выступают как способы передачи студентам или любым клиентам образовательных организаций новых знаний, умений, навыков освоения окружающей действительности. Это такие способы или технологии усвоения новых теорий (знаний, навыков и др.), в которых сущность предмета познания может быть соединена с их использованием как потребительских стоимостей. По отношению к знанию термин «коммодификация» означает процесс товаризации знания, т.е. усвоение этого объекта в единстве его когнитивной ценности и потребительной стоимости. Точно так же термин «макдональдизация» раскрывает технологию стандартизации или конвейеризации процесса познания и передачи знания по аналогии с процессом быстрого питания. Таким же образом через форму «как, каким образом» раскрывается сущность процесса образовательной услуги как учебной технологии.

Ключевые слова: коммодификация, макдональдизация, образовательные услуги, высшее образование, наука.

CONSUMER GOODS DISCOURSE IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION AND SCIENCE

L.G. Tyurina is Dr.Sci. (Philology), prof., editor-in-chief; and G.K. Ovchinnikov is Dr.Sci. (Philosophy), prof., deputy editor-in-chief of scientific journal "Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)"

Analyzed is the situation in contemporary system of higher education of Russia as result of reforms in last decades. Examined are such new processes, as commodification and macdonaldization, that are appearing as ways of transmission to students or any clients of educational organizations new knowledge, know-how, skills of mastering of surroundings. These are such ways or technologies of mastering new theories (knowledge, skills, etc.) in which essence of the subject of cognition might be connected with their use as consumer prices. As to knowledge, the term "commodification" means goodization of knowledge, i.e. mastering of this subject in unity of it's cognitive value and consumer price. Exactly so, the term "macdonaldization" opens technology of standardization of conveyer of the process of cognition and transmission of knowledge analogous with the process of fast nutrition. In such way through the form of "how, in what mode" is being disclosed the essence of educational service as educational discipline.

Key words: commodification, macdonaldization, educational services, higher education, science.

Введение

Новое время создает новые условия для высшего образования. Западными исследователями в 1980–1990-е гг. были выделены следующие этапы развития образования в мире. На первой стадии, коммерциализация, получение прибыли ставится перед институтами высшего образования и науки как главная из задач, критерий эффективности работы организации/ученого. В свою очередь, это приводит к стремлению организаций контролировать расходы. Формируется устойчивый тренд к формализации образования и науки и подчинение интеллектуальных/ творческих процессов законам бюрократии (управления). Как следствие,

образование и наука приобретают стоимость и соответственно атрибут товарности.

Таким образом «service» как служение в образовании и науке приобретает смысл оказания услуг. Иными словами, в постиндустриальном обществе произошла трансформация к осуществлению возмездных образовательных услуг и продаже новых научных знаний (о чем и писал Ж.-Ф. Лиотар). Этот этап развития системы образования называется коммодификацией. У нас он начался в 2007 г. со слов тогдашнего министра А.А. Фурсенко о задачах современной системы образования: «Вырастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». В первую

очередь в этой фразе подразумевался потребитель образовательных услуг.

Доведенный до логического завершения процесс коммодификации называют «макдональдизацией»¹. Параллельно с этим в ведущих мировых образовательных хабах разворачивается процесс финансиализации, когда образовательный или научный институт становится игроком на финансовом рынке, держит инвестиционный портфель или даже выпускает акции (к примеру, MIT). Можно допустить, что следующим этапом развития системы высшего образования будет открытие университетами биржи и спецификация фьючерсных контрактов по контингенту выпускников.

Попытаемся разобраться в происходящих изменениях в отечественном высшем образовании в соответствии с описанными мировыми трендами.

Российское общество переживает накат очередной волны революции в системе высшей школы, начавшейся в 1990-х гг. Отсутствие выверенных, четко сформулированных стратегических целей перед высшим образованием, следствием чего являются все новые и новые реформы, приводит к выхолащиванию образовательной системы, заточенной на будущее.

В частности, проект «5–100» – вхождение как минимум пяти российских вузов в первую сотню мирового рейтинга по сути является тактической задачей имиджевого характера, тесно связанной с коммодификацией. Высокий рейтинг позволяет усилить конкурентную позицию ведущих российских университетов на глобальном рынке, что позволит эффективнее конвертировать образовательные программы в прибыль. Недавно ректор РУДН В.М. Филиппов посетовал, что Россия принимает столько же иностранных студентов, сколько Австралия, но денег от экспорта образования получает в разы меньше.

Уже второе десятилетие в российском образовании и науке активно развивается процесс коммодификации (придание чему-либо атрибута товарности, в частности образованию как процессу). Мы говорим об образовательных услугах, но до сих пор не определились с тем, зачем и кому нужны эти услуги и в каком объеме.

Все проводимые с 1990-х гг. реформы в нашем высшем образовании (Болонский процесс и не только) можно представить как прямое копирование образовательных процессов на Западе, где коммодификация имеет материальное обоснование и обусловлена тем, что перевод образования и науки в прокрустово ложе списка услуг позволяет формализовать затраты и результат, тем самым повысив предсказуемость трат для бизнеса. В российской же действительности не распространена практика, чтобы бизнес вкладывался в образование², участвовал в создании благотворительных фондов (Endowed Funds), которые направляли бы средства

на поддержку вузов, оплату стипендий студентов и квалифицированных научных сотрудников, проведение научных исследований. На Западе это очень развито, а у нас такие фонды практически отсутствуют.

Надо заметить, что спускаемые сверху³ коммерциализация и коммодификация существуют как бы в «административном вакууме», т.е. при отсутствии реального спроса на услуги как со стороны государства, так и частного сектора. Периферийность сложившейся у нас модели капитализма, отсутствие (а в нашем случае – игнорирование!) собственной повестки развития таких общественных институтов, как высшее образование и наука, приводит к тому, что их развитие оказывается принципиально вторичным к корпоративному институту подготовки кадров для госуправления.

Государственная политика в области высшего образования

Если иметь в виду исторический аспект человеческой цивилизации, то можно сказать, что сегодня в мире четко наметились две основные тенденции государственной образовательной политики, которые условно можно назвать классическая и рыночная. Лозунг первый: «Вузы – центры образования, науки и культуры», лозунг второй: «Знание имеет товарную ценность». Образцом первой тенденции является (к примеру) советский период развития высшей школы. Вторая тенденция, провозглашенная Минобрнауки РФ на рубеже XX–XXI вв. (после развала СССР), проходит сейчас процесс реализации, постепенно набирая вес. Главный ее лозунг: «Да здравствует рынок как царство товарных отношений!». В качестве образца для подражания выдвигаются вузы развитых стран (главным образом США, Великобритании). Мы осуществляем копирование культуры и традиций их образовательной системы, не пытаемся выстроить те материальные условия, которыми эти культура и традиции поддерживаются. Как следствие, отдельные элементы чуждой культуры и традиции, перенесенные на нашу почву, получают совершенно иное содержание.

Прежде чем перейти к оценке новых тенденций, отметим некоторые особенности экономического развития современной России, которые побуждают власти шире использовать механизмы и технологии рынка в развитии страны. Уже несколько лет, начиная примерно с 2012 г., ее экономика топчется на одном месте (ежегодный прирост производства в последние годы в пределах 1–1,5%). Если развитые страны уверенно осваивают рубежи шестого технологического уклада (его ядро – наноиндустрия), то в России еще во многом доминирует четвертый уклад. Бюджет государства пополняется в основном за счет добывающей и перерабатывающей промышленности. Характерно, что бизнес с его главным принципом «максимизации прибыли» не спешит вкладываться в высокотехнологические машиностроительные отрасли (локомотив экономики), потому что здесь получение прибыли растягивается на более длительные сроки.

Вместе с тем не следует забывать два момента развития рыночной экономики в России. Первый: ее развитие носит

¹ См.: Кузеванова А.Л., Вагабова А.И. «Макдональдизация» высшей школы в современных российских условиях: социологический дискурс // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 11. С. 13–22. Еровенко В.А. Социальный процесс «макдональдизации» на примере трансформации математического образования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 1. С. 15–19. Kuzvanova, A.L., Vagabova, A.I. "Macdonaldization" of higher school in modern Russian conditions: sociological discourse. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2018. No. 11. P. 13–22. Erovenko, V.A. Social process of "macdonaldization" on the example of transformation of mathematical education. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2019. No. 1. P. 15–19.

² Конечно, есть примеры, когда выпускники вузов, ставшие удачными бизнесменами, помогают своей Alma Mater.

³ Имеется в виду государственная политика в сфере высшего образования.

олигархический характер, напоминая в чем-то период накопления первичного капитала в Европе (резкий разрыв в доходах верхних и низших слоев населения, в разы превышающий средний уровень разрыва в этих доходах в европейских странах). Второй: рост негативных сторон стихийно-рыночной конкуренции – развитие коррупции, теневого и преступного бизнеса, вакханалия контрафактной продукции и др.

Особо следует отметить низкий уровень государственного подушевого финансирования вузов (в расчете на одного студента: оно в России в несколько раз меньше, нежели в большинстве ведущих западных и некоторых азиатских странах)⁴. Расходы на образование в процентах от ВВП в странах мира представлены в таблице.

Таблица

Расходы на образование в мире

Страна	Расходы на образование, % от ВВП	ВВП в 2018 г., млрд USD
Индия	3,8	2487,94
Япония	3,8	4513,75
Россия	3,9	1267,55
Китай	4,0	12263,43
Германия	4,6	3591,69
Канада	4,8	1530,7
США	5,4	19284,99
Бразилия	5,7	1556,44
Великобритания	5,6	2885,48
Франция	5,9	2537,92
Нидерланды	5,9	794,25
Украина	5,3	93,55
Бельгия	6,4	479,68

Источник: URL: fincan.ru, gtmarket.ru

Еще раз отметим: в стране слабо задействованы финансовые возможности российского бизнеса в части поддержки высшей школы (в т.ч. по линии его социальной ответственности).

Нелишне указать и на общее состояние российской системы высшего образования, реформирование которой имеет спорадический характер. В начале 1990-х гг. ее развитию была открыта «зеленая улица» (в духе либерализма). Быстро увеличилось число вузов. Возникли негосударственные вузы (почти все без исключения гуманитарного профиля). Опять же коммодификация – снижение затрат на создание таких вузов, т.к. не надо тратить на развитие материально-технической базы. Далее, все государственные отраслевые институты РФ волевым порядком были переименованы в университеты, что позволило ввести в бывших технических вузах гуманитарные специальности на платных условиях (в основном экономические и юридические). Все это привело к перенасыщению рынка специалистами гуманитарного профиля.

Начиная с 2008 г. Минобрнауки РФ взяло курс на сокращение числа вузов, ориентируясь на рекомендации Всемирного банка⁵. Внутренние причины этой политики –

резкое падение качества образования и низкий уровень бюджетного финансирования вузов. Начало этому курсу положил тогдашний президент РФ Д.А. Медведев⁶.

За период 2011–2017 гг. сеть государственных вузов сократилась на 21,1%, негосударственных вузов на 40,4%, а их филиалов – на 71%⁷. В 2018 г. в стране остались 662 вуза, в т.ч. 178 негосударственных. Сокращение произошло за счет объединения вузов. Сокращение не коснулось численности студенческого контингента. Более того, она заметно выросла. Общее число желающих принять участие в конкурсе на поступление в вуз приближается к показателю ежегодного выпуска учащихся из общеобразовательной школы. Это в принципе укладывается в логику формирования информационного общества, главными продуктами производства которого становятся информация и знания.

Сокращение промышленного производства, невысокие там заработки по сравнению с торговлей, банковским и IT сектором обусловили ситуацию, когда значительное число выпускников вузов работает не по дипломной специальности. Изменился характер мотивации студентов в отношении к высшему образованию. Она стала более прагматической.

Среди значительной части студенчества ведущим стал мотив получить диплом о высшем образовании, чтобы по окончании вуза можно было претендовать на достойное рабочее место. Тем более что в постсоветской России отсутствует государственное распределение молодых специалистов (как практиковалось в СССР). Неограниченное ничем право на их свободное распределение оборачивается отрицательными последствиями для развития экономики страны (нежелание выпускников ехать в депрессивные районы и др.). Слабо обновляется профессорско-преподавательский состав за счет молодых кадров, что связано со снижением престижа педагога/профессора в обществе. Увеличилось число студентов на одного преподавателя, выросла нагрузка: только аудиторная нагрузка у профессора теперь составляет 700–900 часов, а еще надо повышать публикационную активность, вести научную деятельность.

В вузах разбухает административно-управленческий аппарат. Наметились сильная бюрократизация всей системы вуза, регламентирующая деятельность преподавательского состава (растет вал бумажного оборота – разработка бесчисленных учебно-методических программ, отчетные материалы и др.). При этом нынешний уровень оплаты преподавательского труда оказался ниже стандартов советского времени. Вместе с платным образованием в практику высшей школы вошло понятие «необучаемый студент» (таких студентов трудно чему-либо обучить по причине их слабого усердия по освоению знаний), но с этим фактом приходится мириться, поскольку в случае их массового отчисления страдает бюджет вуза. А как дипломированный выпускник будет, к примеру, лечить или учить, конструировать ракеты или управлять, за это вуз не отвечает.

⁴ См.: Новости образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 2. С. 4. See: News of education. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2019. No. 2. P. 4.

⁵ По этим рекомендациям в РФ должно быть 50 университетов и примерно 150–200 институтов.

⁶ Основные идеи этого курса были изложены в его выступлении на совещании в МИФИ в 2008 г.

⁷ См.: Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 2. С. 4. See: *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2019. No. 2. P. 4.

Потребительская идеология в образовании

Вернемся к новым тенденциям в жизни российской высшей школы, т.е. главному вопросу о роли вузов в эволюции общества, вышедшего на ступень информационного развития. На ступень, когда научное знание обретает небывалое значение. Если говорить без обиняков, причины кампании за товарность высшего образования заключаются в:

- ◆ необходимости повысить роль высшей школы в условиях развития рыночной экономики;
- ◆ изыскании дополнительных источников финансирования деятельности вузов;
- ◆ стремлении поднять имидж российских вузов в мировых рейтингах, чтобы шире привлекать иностранных студентов (и их деньги) в российские вузы.

Идеи рыночной трактовки высшей школы зародились в США и Великобритании⁸. В России вдохновителем новой волны образовательной политики выступает НИУ ВШЭ⁹. С критикой рыночной трактовки сущности высшей школы выступают многие исследователи — А.О. Карпов, В.С. Никольский и др.¹⁰

Позиция А.О. Карпова заключается в том, что во главу угла деятельности вузов он ставит эпистемологическую строгость истины как высшей формы знания. Исследователь начисто отвергает представление об образовании и науке «исключительно в системе товарных отношений». Обратим внимание на слово «исключительно». Подтекст этой формулировки следует понимать так, что существуют условия или отношения, в которых представление о науке и образовании выглядит иначе, т.е. адекватнее сущности вузов как центров образования, науки и культуры. Таким образом, можно сделать вывод, что «товарная» тенденция в понимании образования и науки имеет все же, как нам представляется, право на существование. Проблема состоит лишь в ее отношении к первой, т.е. классической тенденции.

Переводя данную проблематику на язык социологии, можно сказать, что социальное разделение труда в обществе закономерно приводит к формированию в его системе различных, относительно самостоятельных сфер (материального и духовного производства в частности) и соответственно различных социальных слоев, существенно отличающихся друг от друга по своим интересам и духовным диспозициям. На одной стороне — специалисты духовного производства, в данном случае науки и образования. Для них конечный продукт их деятельности, с одной стороны, квалифицированный специалист, а с другой — истина (как знание, которое не зависит от преходящих условий существования общества). Все то, что способно исказить

истину, должно быть вынесено за скобки. Хотя истина, взятая сама по себе, т.е. как предмет эпистемологии, способна выступать в роли высшей ценности в рамках той же науки, т.е. в контексте, к примеру, цивилизации.

Но чтобы истина обрела потенциал движущей силы развития общества (и цивилизации), она, как писал П.В. Копнин, должна обрести форму идеи, т.е. соединиться с интересом. Либо с социальным, либо с экономическим, либо с тем и другим одновременно. Идея тем отличается от истины, что в отличие от последней как созерцательного отражения объекта, она включает в свое содержание некий ценностный идеал в форме цели в процессе преобразования этого объекта¹¹.

Далее, помимо указанного слоя, существуют другие слои с иными жизненными интересами. Для этих слоев знание — условие для их благополучной, т.е. прибыльной деятельности. Другими словами, для них главное в оценке знания — практическая полезность в форме прибыли. В итоге старый принцип «полезно все, что истинно» обретает превращенную форму: «Истинно все, что полезно». Как известно, прагматизм взял на вооружение именно эту редакцию. Она способна выступать духовным кредо для рядовой массы общества.

В рамках этих слоев (условно вторичного порядка) особенно активно ведет себя правящая элита, т.е. социальная группа, наделенная определенными прерогативами власти и претендующая на руководящую роль в обществе. Идеология этой группы пронизывает все уровни общества — от государственной власти в целом до чиновного аппарата низовых властных структур (в т.ч. на уровне трудовых коллективов, включая вузы). Именно властная элита, включая чиновный аппарат, проводит реформы в жизнь, поскольку кровно заинтересована в превращении знания в товар, который может приносить прибыль.

В.С. Никольский, отправляясь от текущих российских публикаций на обсуждаемую тему, обращает внимание на другую сторону дела. Он обосновывает необходимость строгой категориальной чистоты новых понятий (на примере «образовательные услуги»). Это действительно важный момент. В дополнение к его замечаниям укажем, что понятие «образовательные услуги» сопряжено с понятиями «заказчик» и «подрядчик», что предполагает договорную форму их сотрудничества, включая возможность контроля действий подрядчика со стороны заказчика.

Способны ли школьники, только что получившие аттестат зрелости, к полновесным отношениям в системе «заказчик — подрядчик»? Это большой и сложный вопрос. В роли подрядчика выступает обычно вуз, а подчас и кафедра. Принимая во внимание статус студента, следует прямо признать, что он как «заказчик» услуги остается в положении бесправного субъекта. За его спиной, конечно, может стоять родительская семья, но она фактически отстранена от процесса заключения образовательной услуги. Тем более если абитуриент — иногородний. Поэтому понятие «образовательные услуги» пока остается образным выражением.

⁸ Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey // London Review of Books. London: LRB. Ltd. 2011. Vol. 33. No. 16.

⁹ Ее идеи отражены, в частности, в докладе Я.И. Кузьминова и И.Д. Фрумина «Российская школа: оптимистическая модернизация», сделанном на одном из заседаний консультативной рабочей группы Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию России (июль 2011).

¹⁰ Карпов А.О. Коммодификация образования в ракурсе его целей // Вопросы философии. 2012. № 10. Никольский В.С. Коммодификация знания и образования: эссе о ценностях и целях // Высшее образование в России. 2010. № 3. Карпов А.О. Commodification of education in foreshortened it's aims. *Problems of Philosophy*. 2012. No. 10; Nikolsky V.S. Commodification of knowledge and education: essay about values and aims. *Higher education in Russia*. 2010. No. 3.

¹¹ Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 292. Копнин, П.В. Dialectic as logic and theory of cognition. Moscow, 1973. P. 292.

В довершение ко всему правовая сторона образовательной услуги применительно к системе «вуз-студент» слабо проработана с учетом рыночных реалий.

Обобщая анализ состояния высшей школы РФ, можно сделать вывод о том, что на всех отмеченных тенденциях развития высшего образования лежит отсвет потребительской идеологии, связанной с переходом российской экономики на рыночные рельсы. Низкий уровень государственного финансирования заставляет вузы изыскивать дополнительные финансовые средства в сфере рыночных отношений (расширять подготовку специалистов на основе платных образовательных услуг и др.).

Критика коммодификации в образовании и науке

Перейдем к сущности новых понятий в образовательной политике. Что такое коммодификация (иначе товарность знания), каковы ее мотивы? Обратимся к конкретным примерам, как таковую понимают в российских вузах.

Примечательна в этом плане статья сотрудников Томского национального политехнического университета «Коммодификация знания в системе высшего образования»¹². Авторы придерживаются положительной оценки данного явления, связывая ее с возможностью повышения качества образования. На первый план они выставляют цели улучшения имиджа российских вузов в мировых рейтингах, а также необходимость «изменения условий транслирования базовых положений научной парадигмы и получения нового знания процессами коммодификации».

Стремясь подвести под рыночные образовательные новации научно-теоретическую базу, авторы отправляются от понятия потребления, потребленческого поведения личности. Они пишут: «Под потреблением следует понимать удовлетворение потребностей человека, использование полезных свойств предметов или процессов, благодаря которым они приобретают характер блага. С этой точки зрения процесс потребления может быть представлен как совокупность хозяйственных отношений между человеком и желаемым объектом, а также между самими людьми».

Под хозяйственными отношениями по общему смыслу статьи следует понимать экономические, точнее, товарные отношения. Эти отношения между людьми достаточно легко понять. Скажем, один из субъектов – продавец (вуз), другой – покупатель образовательных услуг (абитуриент). Но чтобы «желаемый объект» (скажем, знание) как-то относился к человеку, это что-то из области фантастики или, в лучшем случае, из области образного языка. По типу: природа «мстит» человеку из-за нарушения ее экологических параметров. В данном случае вернее сказать: человеку «мстит» его невежество или безудержное влечение к максимизации прибыли.

Коснемся еще одной неточности. «Следует отметить, – пишут далее авторы, – что, говоря о потребности в твор-

ческой самореализации, мы не можем назвать это потреблением». Странная фраза. Если конструктор, разрабатывая оригинальный проект какого-либо изделия, опирается на знания, полученные в вузе или посредством самообразования, а также на апробированный опыт инженерной деятельности (своей или коллег), использует далее компьютерную технику и прочий подручный инструментарий для необходимых расчетов, то что это такое, как не потребление? В данном случае производственное или производительное потребление.

Основной же недостаток статьи и вообще едва ли не всех защитников этих новаций (коммодификация знания, образовательные услуги и др.) состоит в том, что анализ всей этой товарно-рыночной образовательной проблематики ставится с ног на голову. Достаточно обратиться к константам (постулатам) политической экономии, хотя бы в ее марксистской версии. По этой версии основой жизни общества является материальное производство жизненных средств (благ). В нем принято различать две стороны:

- ◆ собственно производство, т.е. создание (сотворение) некоего продукта (будь то орудие труда или предмет ширпотреба (предмет продовольственной корзины и др.);
- ◆ потребление (использование сырья, энергии и прочих ресурсов вплоть до затрат физической силы и знаний работников).

То же самое следует сказать о духовном производстве, а также «производстве антропологическом», т.е. воспроизводстве человека в целом. В какие бы изыски антропогенеза ни углублялся, ясно одно: основной социальный фактор формирования человека, его воспроизводства – труд как источник средств жизни.

Таким образом, производство помимо сотворения включает и потребление, т.е. затрату людьми своих сущностных сил, трудового, социального и духовного потенциала, сопутствующие предметы вещественного обихода (производственные условия и др.). Эти примеры можно множить до бесконечности. Во всех этих вариантах потребление играет хотя и важную, но все же подчиненную роль. В развитом обществе мир потребления в силу разделения труда может выступать относительно самостоятельной сферой (особенно, когда товары, ориентированные на сферу непромышленного потребления, вышли на рынок).

Это разграничение материального производства на две фазы важно, поскольку молодые поколения, вступающие в трудовой возраст, ориентируются при выборе профессии не на рынок потребительских товаров, а на номенклатуру профессий материального производства¹³. Ведущая роль остается как раз за ним, этим производством, как фактором созидания материальных и прочих ценностей (благ). Поэтому нельзя разрывать две ипостаси производства – созидание и потребление.

Вместе с тем нельзя с порога отвергать апробированные на Западе идеи относительно связи высшей школы

¹² Панькова Н.М., Погукаева И.В., Халдеева М.А. Коммодификация знания в системе высшего образования // Вестник науки Сибири. 2017. № 3 (26).
Pan'kova, N.M., Pogukaeva, I.V. Commodification of knowledge in the system of higher education. *Vestnik of Siberian science*. 2017. No. 3 (26).

¹³ См., например: Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи в 1960-е годы – начало 2000-х. М., 2008. С. 122–151.
See for example: *Konstantinovskiy, D.L. Inequality and education: example of sociological research of vital start of Russian youth years of 1960 into beginning of 2000. Moscow, 2008. P. 122-151.*

с рыночной экономикой. Как и нельзя их некритически перелагать на российскую почву. В ином случае возникает ощущение доморощенного плагиата. Нельзя, иными словами, сбрасывать с «парохода современности» классическую формулу «вузы как центры образования, науки и культуры» без ущерба для дела (развития общества и его высшей школы) и всецело поклоняться товарной системе, хотя западные исследователи и склонны абсолютизировать товарность знаний.

Однако и там, и здесь (в России) вузы признаются как некоммерческие учреждения. Они, эти две указанные тенденции, должны быть взяты в единстве: одна как мета-теория, другая как основная теория технологий. Об этом следует помнить, какие бы инновации ни стучались в двери вуза, какие бы новые теории ни возникали на образовательном рынке идей. Другими словами, коммодификация знания, макдональдизация, образовательные услуги и другие знаковые элементы новой образовательной политики российского государства и самого вузовского сообщества как попытки модернизации высшего образования не лишены целесообразности в определенных условиях.

Иначе говоря, они вполне оправданы в аспекте повышения эффективности высшего образования, развития науки и воспитания будущих специалистов в свете рыночного производства, современных темпов развития общества. Но при соблюдении меры и сбалансированного расчета плюсов и минусов. К этому, кстати, призывают и цитируемые исследователи из Томского политехнического университета. Одним словом, по поводу конкретной интерпретации этих новаций можно и нужно спорить. Макдональдизация образования как реакция на ускорение жизненных процессов вообще отдает анекдотом и еще плохо воспринимается человеком российской культуры. Хотя под этим понятием скрывается серьезная проблема стандартизации технологической деятельности вузов, индивидуальной образовательной стратегии заказчика услуг, повышения, образно выражаясь, оборотов вузовской активности.

Отметим некоторые опасности рыночных нововведений образовательной политики. Главная опасность в том, что вузы, определяемые обычно как некоммерческие организации, начинают стихийно обретать черты бизнес-структур, т.е. вузам трудно противостоять главному принципу бизнеса — максимизации прибыли. При абсолютизации этого принципа все правовые и нравственные нормы и законы утрачивают свой гуманистический характер. Как писали классики политической экономики, при возможности получения прибыли в 300% бизнес теряет голову. Теневая экономика, многочисленные факты коррупции, приписки, выпуск контрафактной продукции¹⁴ и прочие факты становятся обыденной рутинной.

Другой момент. Обратная сторона максимизации прибыли означает минимизацию других сторон или функций, в данном случае преподавательской деятельности. Особенно в части приобщения студентов к науке, профессиональной культуре специалиста. Если встать на позиции студента, то

это означает: чтобы получить заветный диплом, можно не надрываться в овладении знаниями, умениями и навыками специалиста. Вторая опасность: рыночная конъюнктура девальвирует высокие цели образования и особенно цели воспитания. Все что не отвечает логике прибыльности, то подлежит сокращению. Эти уклонения надо отслеживать и вводить в русло разумной меры.

Закключение

В качестве основного вывода стоит еще раз подчеркнуть ограниченность товарного дискурса в отношении высшего образования, науки и воспитания.

1. Естественным следствием такого подхода является стремление к сокращению слагаемых учебно-воспитательного процесса (часов, непосредственного общения преподавателей со студентами и др.). Со стороны студента это приводит к минимизации его творческих усилий для получения диплома.

Что касается науки, то А. Бернадотт¹⁵ отмечает, что для процесса коммерциализации и коммодификации характерно смещение фокуса исследований от фундаментальных наук к прикладным, а от прикладных к практическому применению, что приводит к деградации фундамента науки (базис научного знания не обновляется, исследовательские парадигмы устаревают, но замены просто нет) и дальнейшему «распаду науки» — потере связи между разными областями научного знания.

В административно навязываемой коммодификации так же, как и в индуцированной рынком, научных работников вынуждают к публикации большого количества статей, от этого прямо зависит их материальный достаток и рейтинг вуза/научной организации. При этом поскольку, с одной стороны, стимулируются именно количественные показатели научных публикаций, а с другой — научные работники оказываются и так слишком перегружены бюрократической деятельностью (составлением бумаг и отчетов) и большой преподавательской нагрузкой, естественным следствием оказывается резкое падение качества большинства научных работ. Ученые практически не цитируют друг друга, в большинстве статьи пишутся как под кальку: наука стала ремеслом.

Коммодификация в науке основным требованием к исследованию выдвигает коммерческую полезность. Недавнее статистическое исследование, на которое ссылается Бернадотт, показывает, что употребление коммерческих терминов в неэкономических исследованиях резко выросло за последние 20 лет. Это свидетельствует о том, что авторы как гуманитарных, так естественнонаучных областей стремятся обосновать коммерческую привлекательность своего исследования. Как однажды высказался наш президент, наука должна быть практичной. Разумеется, такое обоснование проще выполнить для более узких научных исследований, но это приводит к «мелкотемью» в науке.

¹⁴ Для высшего образования таким контрафактом может считаться диплом, полученный на «фабрике дипломов».

¹⁵ Бернадотт А. Анализ научного текста и новые мировые тенденции // Программная инженерия. 2011. № 2. Bernadotte, A. Analysis of scientific text and world tendencies. Program engineering. 2011. No. 2.

2. Сам товарный дискурс внутренне противоречив. Как участники рыночных отношений, преподаватели и студенты должны планировать коммерческую эффективность: одни – предоставление образовательной услуги, другие – ее получения. Понятно, что требовать от выпускника школы и студента оценивать свою образовательную траекторию с точки зрения коммерческой эффективности (прогнозирование будущего рынка труда, востребованности определенных навыков и др.) на 4–5 лет является трудно выполнимой задачей. Более того, целый ряд других факторов делают это требование еще более абсурдным. Так, нарастающая бюрократизация в вузах приводит к тому, что студентам становится сложнее изменить или скорректировать свою образовательную траекторию (с переходом студента между

направлениями образования связано перераспределение финансовых потоков между подразделениями вуза). С другой стороны, сама система ЕГЭ накладывает ограничения на абитуриента по выбору будущей специальности.

В России ко всему этому добавляются явные недостатки отечественной версии коммодификации, связанные с ее административным характером и игнорированием реальных хозяйственных потребностей со стороны вузов. Здесь необходим широкий обмен опытом по использованию рыночных механизмов в системе высшей школы, повышению квалификации профессорско-преподавательского состава, руководящих кадров высших учебных заведений, организации государственного контроля за соблюдением вузами основных свобод, прав и обязанностей, прописанных в Конституции РФ.

